

«ПРИЗРАК» пересекает ЗАМБЕЗИ

П О В Е С Т Ь

ЛЕВ БЕРИНГОВ

«ПРИЗРАК» РАЗЫГРЫВАЕТ ДЕБЮТ

В ДЕСЯТЬ часов утра по трапу рейсового самолета Йоганнесбург — Солсбери, щурясь от весеннего солнца, на землю Родезии сошел грузный мужчина, в летах, со слегка приплюснутыми ушами, что придавало его физиономии хищный вид.

Пассажир небрежно предъявил полицейскому контролеру удостоверение на имя Хенрика Моффета, голландского журналиста. Его лицо — загорелое, с белыми трещинками морщин — лицо человека, на плечах которого повисли нелегкие сорок семь лет жизни, было спокойно. Он знал, что никакие осложнения с оформлением въезда его не ждут.

О прибытии агента «Призрак», как он значился в картотеке группы по особо секретным операциям «Оссева брандваг», в Солсбери были заранее осведомлены достаточно высокопоставленные лица.

— Где я могу получить ключи от машины? Я заказывал по телефону, — обратился Моффет к полицейскому, получая назад документы.

— Номер машины вам сообщили?

— Да, разумеется.

— Тогда прошу пройти на стоянку перед аэропортом. Ключи вы найдете на переднем сиденье. У нас не принято угонять автомобили.

— Даже сейчас?

— Тем более сейчас, — отрезал полицейский. Лицо его выразило досаду на бестактность приезжего.

Действительно, четырехместный «Моррис-Оксфорд», заботливо поставленный в тени дерева, встретил Моффета карточкой, отпечатанной типографским способом: «С благополучным прибытием! Ваше удостоверение на право аренды автомобиля возьмите в ящике для перчаток; оплата за пользование включается в счет гостиницы. Добро пожаловать в независимую Родезию!»

«Да, тут тебе не Конго!» — довольно усмехнулся про себя Моффет, швыряя на заднее сиденье сумку-саквояж и включая зажигание. В Родезии ему еще не приходилось бывать. Впрочем, так всегда получается. Мотаешься по белу свету, знаешь, почему бананы в Аккре и циновки в Тананариве, а по-

том вдруг убеждаешься, что незнаком даже с собственным кварталом, где прожил полжизни.

Моффет свернул с асфальтированного шоссе и, лавируя между выбоинами, повел машину по проселочной дороге. Дорожный знак предостерегал, что проезда здесь нет, но движение по дороге было оживленным. Через десяток минут Моффет сбавил ход, съехал к обочине и вышел из машины. Оставшуюся часть пути он прошел пешком. Мелкая бурая пыль сразу же покрыла замшевые туфли густым слоем.

Кентакки — если справиться у белого поселенца в Солсбери — означает название столичного аэродрома; африканец же скажет, что это местность, где находится тюрьма для туземцев. Впрочем, Кентакки — не настоящая тюрьма; скорее ее можно назвать пунктом предварительного заключения, откуда арестантов развозят в более надежные места.

Окинув лагерь оценивающим взглядом, Моффет презрительно фыркнул. Все выглядело черт знает как патриархально. Колючая проволока, затянутая старой мешковиной, не скрывала низких, обшитых железом бараков, палаток. Африканцы-заключенные сидели на земле с отсутствующим видом или бесцельно бродили по лагерю, погружая босые ноги в раскаленный песок. Вдоль ограды лежали велосипеды, кое-где стояли грузовики, нанятые, очевидно, в складчину. Настоящий табор: сумки, корзинки, мешки, дети.

Моффет присел на корточки в тени грузовика рядом с группой африканцев. Один из них, в белой рубашке с галстуком, читал правительственную «Родезия геральд». Другие дремали, опустив голову на грудь.

— Я здесь уже пятый раз, — заявил вдруг африканец с галстуком, складывая газету. — Привез апельсиновый сок и банку сухого молока. Но все придется перелить и пересыпать в миски. Заключенным нельзя передавать ни стеклянные, ни жестяные банки.

— Я не местный, — счел нужным предупредить Моффет. — Случайно заглянул.

— Вижу, — односложно ответил африканец и добавил немного спустя, словно представляясь. — Я аптекарь.

У тюремных ворот стояли женщины в ярких красных и зеленых платьях, с зонтиками, трогательно нарядные. Они снимали привязанных к спине ребятишек, и стражники могли убедиться, что там ничего не спрятано.

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 4 за 1969 год.

— Женщины сегодня надели все самое лучшее, — пояснил аптекарь. — Ведь они пришли на свидание к мужьям и, кроме того, сегодня как-никак воскресенье. Обычно в это время они ходят в церковь, а теперь вот все мы по воскресеньям берем еду и едем сюда.

Его мягкий английский выговор, как у всех родезийцев, походил на лондонское кокни. Искося взглянув на Моффета, аптекарь спросил:

— Вы не знаете, сколько их там продержат?

— Нет, конечно, — ответил Моффет, закуривая «Кент» и протягивая пачку собеседнику.

Моффет никогда не испытывал неприязни к людям с черной кожей. Черные, желтые, красные — все они одинаково были ему безразличны, если не приносили пользы или вреда. Он разучился видеть в людях людей двадцать восемь лет назад, когда был еще долговязым сопляком-добровольцем и откликнулся на кличку Фитиль. Штурмбаннфюрер СС Отто Кругг популярно разъяснил тогда, что людей на земле стало слишком много и лишних необходимо уничтожать так же настойчиво и методично, как выпалывают сорную траву на грядке.

Примитивные народы неудержимо плодятся хотя бы просто потому, что ограниченность мышления не позволяет им находить в жизни иных радостей. Дикие орды кочевников сметали древние цивилизации, тормозя тем самым поступательное развитие общества и культуры. В рукопашной схватке варвар всегда побеждал арийца.

Но современная техника истребления позволяет обуздать демографические катаклизмы. Для этого необходимо лишь стать выше обывательского слюнтяйства, памятуя о своей великой миссии преобразователя мира, творца нового порядка. Надо также побороть брезгливость, потому что и садовнику, который намерен взрастить прекрасную розу, приходится марать руки в навозной жиже и давить гусениц.

— А ну-ка, сынок! — приказывал штурмбаннфюрер.

И семнадцатилетний эсэсман старательно нажимал на спусковой крючок парабеллума, как только в прорези фанеры появлялся очередной затылок. Будучи несовершеннолетним, Фитиль трудился всего четыре часа в день, и каждый час приносил ему триста рейхсмарок.

Конвейер уничтожения функционировал безотказно, и через год эта работа приелась Фитилю своей монотонностью. Марки тратить в лагере было негде, и протеже Отто Кругга, штурмбаннфюрера, решил учиться на шофера. Запах бензина и нагретого мотора привлекал его с детских лет. Это хорошо, когда тепло, и спокойно на душе, и пахнет бензином, краской, горячим металлом — необъяснимо специфическим, очень мужским запахом.

— Господин, кажется, задремал?

Участливый голос чернокожего аптекаря заставил Моффета открыть глаза. Видимо, после самолета его и впрямь разморило. Было нестерпимо жарко.

Время от времени стоящий у ворот стражник-африканец с дубинкой пронзительно выкрикивал чье-нибудь имя. Вот и теперь один из мужчин, сидящих в тени грузовика, поднялся и направился к проволоке. Лоснящаяся кожа его чернела в пролетах голубой майки.

— В прошлое воскресенье я прождал так десять часов, — безучастно сказал аптекарь, развертывая пакет с едой. — Никто не знает, за что и на сколько их посадили. Я даже не знаю, оставаться ли мне сейчас в Солсбери.

— Террористы тоже здесь? — поинтересовался Моффет.

— Кто знает, может быть. Но скорее всего их расстреливают прямо на месте, сразу же после допроса. Здесь только местные.

— Тех, кто тут, тоже, наверное, перестреляют! — вдруг выкрикнул африканец в вязаной шапке с помпоном.

— На обед им дают одну ботву, — сказал другой.

И они заговорили откровенно и дружелюбно, словно сам факт присутствия белого среди них означал необходимость доверия.

— Моего друга Езекиля убили в Кве-Кве, — рассказывал аптекарь. — Я любил его, как родного. Он ехал на велосипеде, вез на плечах связку сахарного тростника. Не могу понять, что вообразили солдаты. Неужели они никогда не видели сахарный тростник? Они убили его.

— Ведь должен же быть черный бог! — сказал африканец в вязаной шапке. — Но он спит.

— Вы не откажетесь принять от меня кое-что? Может быть, это облегчит участь тех, кто за проволокой? Или мою совесть, во всяком случае. — И Моффет протянул аптекарю две бумажки по сто долларов. Тот без удивления взял деньги и спокойно поблагодарил, пожелав Моффету удачи.

«К вечеру об этом станет известно всему Солсбери, если не всей черной Родезии!» — довольно подумал Моффет. Пока все шло нормально. Да и дальше, разумеется, все будет нормально. Теперешнее задание казалось не сложнее тех, которые он не раз — и успешно — выполнял в прошлом.

Спустя полчаса Моффет уже смывал с себя дорожную пыль в гостинице «Майклз», которую ему порекомендовали еще в Йоганнесбурге: здесь, на противоположной стороне площади Сесил-сквер, находился клуб журналистов.

За долгие годы странствий он побывал в десятках гостиниц десятков городов и каждый раз не переставал удивляться, почему ни архитекторам, ни хозяевам отелей никогда не приходит в голову разместить их подальше от дребезга трамваев, грохота автомашин, мотоциклов, круглосуточного гама проезжих магистралей. Люди в большинстве своем крайне глупы, хотя бы потому, что мирятся с заведомыми нелепостями, созданными ими же самими. В каждой стране мира эти нелепости лишь меняют характер, и только. И вся эта людская суета из-за того, чтобы с минимальными усилиями заполучить максимум жизненных благ и иметь возможность уничтожить максимум себе подобных, бессмысленна, бесцельна, обречена. Нуждаясь в самообмане, люди выдумывают бога, любовь, идеалы, а мир вот-вот взлетит на воздух, взорванный неумным себялюбием ничтожной массы мыслящего белка.

Задумавшись, Моффет не заметил, как отключил горячую воду; душ обдал спину ледяным дождем. Моффет выругался. Все почему-то начало раздражать его. Он наскоро вытерся (полотенца оказались не новыми), надел вместо пиджака сетчатую английскую куртку и спустился вниз, решив, что уже пора побродить по городу.

На Первой улице Моффет зашел в итальянское кафе и заказал легкую закуску: обедать было бы слишком жарко. За столиками вокруг преобладали люди двух типов. Некоторые, казалось, прибыли прямо из лондонского Сити: узкие жилеты, черные сюртуки, прямые усы. Это были закаленные англичане, которых в любом уголке мира встречал климат Итона. Другие представляли обычный южноафриканский тип: белые рубашки с рукавами, под-

хваченными резинками, шорты, сандалеты на босу ногу. Говорили о займах на строительство, о нехватке каменщиков, о собственных домах, о выставке, которую устраивало общество любителей конного спорта в Чикараби.

Перед кафе на краю тротуара сидели африканки в бумажных платьях и вязали. У каждой за спиной дремал привязанный ребенок, убаюканный легкими движениями матери.

Двое чернорабочих прислонились к нагретой солнцем стене строящегося дома напротив. У них был перерыв на обед: хлеб и кока-кола.

Промаршировал взвод солдат, недружно, вразнобой.

— Они собираются уничтожить нас всех, — громко сказал один из рабочих на языке шона.

— Они бы рады, да не могут, — отозвался другой.

Из универмага «О. К. Базар» вышел отец с двумя детьми. Девочке был куплен заводной мишка, который пил лимонад, а мальчик возился с игрушечными наручниками — они никак не хотели запереться.

Несмотря на шестнадцатизатяжный небоскреб страхового общества, конторские дома-дворцы из мрамора и цемента и вычурные особняки, Солсбери никак не производил впечатления столичного города. Да и все проблемы мятежной колонии выглядели вблизи провинциально мелкими.

— Министр финансов Джон Рэтхол, — забубнил радиоприемник на стойке бармена, — представил сегодня цифры, которые должны опровергнуть заявление министра по делам Содружества наций Джорджа Томсона о том, что английское министерство торговли отнюдь не смотрит сквозь пальцы на то, что английские фирмы нарушают санкции в отношении Родезии. Министр добавил, что из заявления Томсона можно сделать только такой вывод: либо английское правительство подтасовывает цифры для того, чтобы обмануть своих афро-азиатских друзей, либо английское правительство не ведает, что делается у него за спиной.

— Коммунизм — дьявольски коварный враг, не считающийся ни с истиной, ни с честью, ни с приличиями! — стукнув кулаком, заявил вдруг краснолицый солсбериец за столиком слева, с вызовом уставившись на Моффета носорожьими глазками.

Слепящая волна яростного гнева на мгновение помутила разум. Но Моффет сдержался. Он приучил себя контролировать приступы беспричинной ярости, когда хочется все вокруг крушить и крушить! Коммунизм, колониализм, империализм, — какая разница? Волею обстоятельств он очутился по эту сторону баррикады и честно отработывал свой хлеб. Как знать, может быть, истина и впрямь находится по ту сторону. Но сама идея коммунизма казалась Моффету слишком призрачной и далекой от реальности, чтобы делать ставку на нее. Однако в последнее время ему все чаще и чаще становилось противно расходовать жизнь ради скотского благополучия краснорожих носорогов.

Он хитрил сам с собою, и только в редкие минуты беспощадного самоанализа признавался, что другой профессии для себя не мыслит. Еще с детства он был нелюдим, и мысль связать себя семьей никогда не приходила ему в голову. Свободно разъезжать по свету, верша судьбами людей, ни к кому не привязываясь, нигде не пуская корней — вот удел сильного мужчины, для которого риск — одно из немногих настоящих удовольствий, отпущенных природой человеку. Иногда Моффет казался себе чем-то вроде странствующего рыцаря средневековья, который готов бросить вызов лю-

бому и с любым сразиться. Иногда же ему вдруг отчетливо приходило на ум сравнение с выдрессированным, злобным псом довольно нечистоплотного, но щедрого хозяина. Тогда-то и хотелось все крушить, послать к черту всех и вся. В глубине души Моффет был твердо уверен, что смерть давно ждет его — уже потому хотя бы, что все лучшее в жизни было прожито. Никаких новых радостей впереди не предвиделось; существование продолжалось по инерции, потому что ведь надо делать что-то, чтобы есть, пить, иметь женщин и комфорт. Без радости, однако.

Моффет расплатился и вышел. Не спеша вернувшись в гостиницу, он поднялся в свой номер и, сняв телефонную трубку, заказал обед. Потом попросил соединить его с Управлением безопасности.

ДВОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ

— Я не доставлю вам много хлопот, — сказал Моффет.

Комиссар службы безопасности, маленький горбун в пенсне, с розовым, как у младенца, лицом и редкими седыми волосами, похожий на мудрую белую мышь, слушал внимательно, попыхивая трубкой.

— Найджел! — представился он, когда Моффет подсел к нему в машину у булочной на Кингсуэй.

Они выехали за город, подальше от любопытных глаз, и мирно беседовали у обочины шоссе.

— Вы можете быть со мной совершенно откровенны, — предупредил Найджел. Но Моффет и не собирался что-либо скрывать.

— Неделю назад, — сказал он, ковыряя в ухе, — на заседании Большого совета «Оссева брандваг» было принято решение о разворачивании сдерживающих действий против кафрских государств на севере. Эти действия будут проводиться совместно Южно-Африканской Республикой, Родезией и Португалией, чтобы воспрепятствовать переброске террористов. А также чтобы максимально ослабить кафрские государства. Понимаете?

— Да, конечно, — нетерпеливо ответил Найджел. — Я слушаю.

— Имеются в виду всякого рода диверсии, подрывная деятельность ну и все в таком духе, ничего нового. Моя конкретная цель — Аталия. Думаю, для вас это представляет наибольший интерес, верно?

— Естественно! — Найджел задумчиво откинулся на сиденье. Пенсне мерцало, когда пронесившиеся мимо машины освещали его светом фар. — Ну а что конкретно вы намерены осуществить?

— Военный переворот, — коротко бросил Моффет. — Это наиболее радикальное решение вопроса.

— Недешево стоит, — усомнился Найджел.

— В Аталии еще достаточно английских и американских компаний, — объяснил Моффет. — Филиалы разбросаны по всей Африке.

— Что верно, то верно, — согласился Найджел. — Названия разные, а хозяин общий. Что у них, то и у нас. Им и служим.

— Какая разница, кому служить, если не можешь быть господином! — резко сказал Моффет. — Пустой разговор!

— Да, — рассмеялся Найджел, старчески покашливая. — Господ из вас не получилось.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Моффет.

— Да только то, что мне не в первый раз приходится иметь дело с эсэсовцами, — равнодушно бросил Найджел, выбивая трубку о борт окна.

— Что? — Моффет сердито выплюнул окурок и оскалился. — Я южноафриканец!

В темноте голова его с приплюснутыми ушами казалась мертвым черепом.

— Вы немец! — уверенно возразил Найджел. — Может быть, мне спросить, какая группа крови у вас вытатуирована под мышкой по приказу этого болвана Гимmlера?

— Да, — сдался Моффет. — Эта арийская предубежденность отправилась на виселицу многих наших парней.

— Я тоже к этому приложил в свое время руку! — сухо рассмеялся Найджел. — Не обижайтесь, коллега, дело прошлое. Теперь мы с вами в одной подке.

Моффет не любил лирических воспоминаний.

— Я бы попросил вас ввести меня в курс боевых операций террористов и деятельности Союза народа Зимбабве, комиссар, — сказал он. И чтобы сгладить официальность тона, добавил, что время не терпит.

— Действия террористов Зимбабве, собственно, единственная серьезная причина нашего беспокойства, — с готовностью ответил Найджел. — В основном, конечно, они пока действуют на севере, на границе с Аталией. Но я опасюсь, что вскоре стрельба начнется повсюду. Пока что нам удается их сдерживать, но, судя по всему, с их стороны это лишь разведка боем. Девятого сентября наши посты атаковало сразу триста террористов с автоматами и пулеметами, все в форме. С помощью батальона южноафриканских полицейских нашим солдатам удалось их рассеять. Но потери есть даже среди офицеров.

Найджел, вздохнув, снова достал трубку.

— Самое печальное в том, — продолжал он, набивая трубку табаком, — что Союз африканского народа Зимбабве, как себя именуют наши кафры, действует совместно с Африканским национальным конгрессом Южной Африки и прочно опирается на Аталию. Там их главная база и штаб-квартира. Пока не будет нанесен удар по Аталии, мы бессильны. Мы — не Америка, нам Вьетнам, даже африканский, не по средствам. Кроме того, нас слишком мало — один белый на десять-пятнадцать черных — и ни одной атомной бомбы! Да и удар по Аталии, честно говоря, лишь отсрочил бы решение вопроса. Надо менять отношение к африканцам. Или уничтожить их всех до единого. Третьего пути нет. И то, что мы сейчас стараемся предпринять, — чистейшее безумие! Мы сеем ветер. Все дело в том, что террористы не могли бы функционировать и часу, если бы не опирались на местное население. Они могут стать запалом к пороховой бочке...

Голос его звучал безнадежно.

— Откуда они получают оружие? — поинтересовался Моффет. Высокая политика его не касалась.

— А! — Комиссар махнул рукой. — Этого добра в Африке сейчас хоть отбавляй. Чего-чего, а оружия у кафров теперь хватает. Я не удивлюсь, если они начнут вскоре обстреливать машины даже здесь, под Солсбери. Один такой случай год назад уже произошел. В Хартли убили колониста с женой. Террористы пришли с севера и прятались в горах. Там полно пещер. Собаки их взяли живыми.

Помолчав, Найджел сказал:

— Не стану от вас скрывать, я очень встревожен. Положение гораздо более серьезно, чем может показаться. Я удивляюсь, почему они нас до сих пор не перекусили просто голыми руками.

— Насколько мне известно, — возразил Моффет, — «Брудербонд» принял решение в случае не-

обходимости направить вам на помощь, кроме полицейских, регулярные части южноафриканской армии. Я не думаю, чтобы в Африке нашлась такая военная сила, которая сумела бы устоять перед этой армией. Действия наемников в Конго показали, кто чего стоит.

— Приходилось там бывать? — с интересом спросил Найджел.

— Да, я провел некоторое время в команде Зигфрида Мюллера, — кратко ответил Моффет.

— Он заработал миллионы! — с завистью протянул Найджел.

— Ему просто повезло, — объяснил Моффет. — Он попал туда вовремя. Сейчас наемникам приходится туго.

Они помолчали.

— Но экономически вы стоите на ногах, по-моему, довольно твердо? — спросил Моффет.

— Вне всякого сомнения, — согласился Найджел, повеселев. — Мы завершаем этот год с более активным балансом внешней торговли, чем предыдущий. Как ни парадоксально, экономические санкции дали мощный толчок развитию местной промышленности. Уже построено сто пятьдесят новых предприятий. Кроме того, как вы смогли убедиться, наши магазины завалены лучшими товарами всего мира!

— Да, — признался Моффет. — После обеда я совершил небольшое турне по городу. Надо же разыгрывать из себя любознательного журналиста!

— Англичане скоро сами пожалеют о своем высокомерии. Эти санкции им дорого обойдутся! Их место в нашем товарообороте охотно занимают японцы, французы, португальцы, западные немцы, наконец!

— А каково сейчас положение самого Смита? — спросил Моффет, щелкая зажигалкой. Проклятая сигарета, разумеется, уже успела прочно прилипнуть к губе.

— Это великий человек! — искренне восхитился Найджел. — Конечно, Ассоциация родезийских промышленников не совсем довольна разрывом с Англией, но фермеры и чиновники его буквально боготворят. Популярность премьера беспорочна, и среди своих министров он выполняет роль богатоца в последней инстанции!

Уже совсем стемнело, на черном бархате неба переливались и сверкали крупные льдинки звезд. На севере у горизонта ковшом вниз повисла Большая Медведица. Пустынное шоссе кошачьими скачками пересекла ночная обезьяна и, блеснув огоньками глаз, скрылась в кустах.

— Ну что ж, — предложил Моффет, — приступим к делу. Я не доставлю вам много хлопот.

И они принялись обсуждать план предстоящей операции, в которой родезийской службе безопасности отводилась особая роль.

— Только не вздумайте, комиссар, со мною хитрить, — предупредил Моффет, — когда все детали были обговорены. — Никакой самостоятельности я не потерплю!

— Сообщите хотя бы адрес! — попросил Найджел. — Ведь я отслеживаю их скоро год, и все впускаю. Даю слово джентльмена, пока операция не завершится, мы не тронем их и пальцем.

— Нет! — властно отрезал Моффет.

Найджел вздохнул и вынул из осевой линии. Стрелка спидометра быстро поползла вправо. Наступал новый день.

(Продолжение следует)